

БЕЛОВОДЬЕ

Лварский каг
(земли кочевники)

Острова Ущербной Луны

Сторожинец

Гнездово

Златоворск

Радчина

Берестье

Зверовичи

Каменка

Вольняда

Стародуб

Славгород

Гривы

Великая пустыня
(земли шеххов)

Саркел

З О Л О Т О Е М О Р Е

Моховые горы

Анат
В-аваров)

Каралия (земли караалов)

Беспокойное море

Белые горы

г. Спящий воин

Белоозеро

оз. Белое

Червен

Олонец

Полесье

Ветлуга

Рябинник

Броды

Приречье

Дивогорск

оз. Серекриное

Черница

Голяты

Серая Чаща

оз. Тихое

Русалье озеро

Громова

Орлиное гнездо

Пролог Семь веков назад

Створки стрельчатых дверей, украшенных двумя огненными птицами, разошлись без единого скрипа. Солнце скользнуло по красным перьям и сверкнуло в золоте птичьих глаз. Но в темном взгляде вошедшего свет запутался и будто бы потускнел. Последние сполохи сверкнули багрянцем в темных волосах, когда мужчина отвел несколько прядей с лица.

На той части запястья, которую не скрывал рукав черного кафтана, виднелись едва затянувшиеся порезы и начавшие желтеть синяки. Кафтан украшала тонкая вышивка золотой нитью, два ряда золотых пуговиц шли от ворота до паха, да над сердцем горело огненное кольцо — знак дейвасов. Марий Болотник ступал неслышно, но уверенно — знал свое право находиться в этих покоях в любое время.

Ныне в зале не толпились просители. Возле окна стоял маленький столик, накрытый узорчатой тканью и уставленный лакомствами. Пар поднимался над чашкой из тонкого перламутрового фарфора, привезенной с островов Ущербной Луны. Чай был нетронут, как и сласти.

Марий миновал угощение и прошел вглубь зала. Остановился в десяти шагах от пустовавшего трона и сунул ладони за пояс.

Заговаривать не спешил — давал тому, кто его вызывал, собраться с мыслями.

Князь Светогор стоял у окна. Он заложил руки за спину, отчего тяжелый плащ, подбитый соболем, собрался складками, обнажая перевязь с мечом. Князь не расставался с оружием ни днем ни ночью, и на то была причина. Марий болезненно поморщился. Как ни убеждал он Светогора, что тот ничего не смог бы противопоставить огненной ворожке напавших, князь все равно продолжал винить себя в случившемся.

Светогор не спешил начинать разговор. Марий вздохнул, подошел и встал рядом, привалившись плечом к стене. Свет заходящего солнца отразился от расписного окна женского терема — единственного, которое уцелело, — и заплясал по лицу Светогора. Лучи высвечивали то залегшую меж бровей морщинку, то горькие складки в уголках губ. Пытались добраться и до глубины спокойных серых глаз, но горе, живущее в них, было темнее, чем одежда дейваса. Не справившись, солнце стыдливо спряталось за тучу, окрасив ее брюхо в красный и золотой. Над обломками здания, некогда звавшегося Каменным Цветком Червена, кружили вороны — целая стая.

— Они летают там днями напролет, — тихо проговорил Светогор. — Хотя тела давно убрали.

— Я могу их сжечь, — предложил Марий, но князь лишь качнул головой.

— Люди думают, что птицы скорбят, — Светогор скривил губы. — Кое-кто твердит, что они — воплощение горя воленцев, осиротевших без своего князя.

— Теперь у Беловодья новый князь, — негромко, но твердо напомнил Марий.

Светогор начал говорить, но дейвас шагнул ближе и крепко стиснул плечо молодого правителя, прервав сбивчивую речь.

— Мы найдем убийцу. Но сейчас ты должен удержать Беловодье от смуты. Твои отец и дед были князьями. Ты не имеешь права поддаваться чувствам и допускать разрушение того мира, что они создавали.

Князь сторбил плечи и глубоко выдохнул, точно пытаясь избавиться от тяжелых дум, бродящих в его голове. Он покачнулся и наклонился вперед, уперевшись руками в резной подоконник. Его взгляд блуждал по женскому терему, пытаясь увидеть отблеск солнечного зайчика.

Когда-то игривое пятнышко света, пущенное маленьким ручным зеркалом, служило приглашением. Тогда князь менял пышные одежды на одеяние стрельца, вооружался огнестрелом и засапожным кинжалом и отправлялся «гулять по крышам» — так она называла их шалости. Смешливая, всегда улыбающаяся, она уже ждала его в схожем наряде, разве что оружие не любила. Князь и его подруга вместе отправлялись в город — пить золотое вино и лихо отплясывать на площадях вместе с лицедеями.

Некому больше пускать солнечных зайчиков. И зеркальце, оттянувшее карман князя, отныне бесполезно.

Светогор быстро отер глаза, словно смахнул невидимую соринку. Глубоко подышал, запрокинув голову, и наконец повернулся к дейвасу.

— Рад, что ты пришел, Марий.

— Как я мог отказаться? Меня позвал светлый князь.

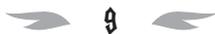
Светогор поморщился.

— Никак не привыкну. Зовут меня, а чудится — отца окликают...

Князь и дейвас, не сговариваясь, посмотрели на тяжелое кресло из мореного дуба. Его подлокотники были выполнены в форме голов хищных птиц. Такая же птица, только огненная, распахивала крылья на красном гобелене позади трона.

Княжий род огненных птиц едва не оборвался по чьему-то злому умыслу. Но Светогору посчастливилось спастись, и смуты удалось избежать. Сегодня шел седьмой день, как на каждом окне Червена — столицы Беловодья — развернулись черные полотна в знак траура. Марий знал, что такие же тряпки плещутся на ветру в каждой, даже самой дальней и захудалой волости — везде, куда смогли долететь вороны-вестники. Дернуло болью левую руку — ту, что едва не перешибло рухнувшей балкой в горящем Каменном Цветке. Лаумы наспех затянули рану, но до конца вылечить не успели. Глава Школы почти не смыкал глаз в первые дни после случившегося и старался не терять ни минуты. Собственное исцеление казалось ему мелочью, не стоящей внимания.

Марий стиснул зубы, разглядывая осиротевший престол. Страшная беда, что стряслась с Каменным Цветком, пошатнула шаткое равновесие, которое едва успело установиться в Беловодье. После возвращения лаум навьи попрятались по норам и кметы вздохнули чуть спокойней. Принялись осушать болота, вырубать леса, расстраивать волости — по чуть-чуть, подолгу и не без труда договариваясь с лесными и водными навьями и живниками.

Но, видать, кому-то крепко не понравилось усиление лесного княжества. И стоило прибыть на подворье терема невесте Светогора, царевне Лебедяне, как неизвестный колдун нанес сокрушительный удар. В огне погибли отец и мать Светогора и его несостоявшаяся невеста, с которой они провели вместе едва ли две седмицы.

Но Светогор тосковал не только о семье. Его сердечная подруга, что тоже жила в женском тереме, сгинула в огне вместе с Лебедяной. Светогор своими глазами видел, как огонь упал с неба на Каменный Цветок и мигом охватил его до самого конька, с одинаковой легкостью пожирая и дерево, и камень. Марий до сих пор помнил, как сжимал окаменевшие плечи Светогора, не давая другу броситься в пламя. Позже дейвас неслышной тенью следовал за князем, пока тот потерянно бродил на пепелище. Всё, что осталось от черноволосой Ренеи, — зеркальце в обрамлении кованых листьев, чудом уцелевшее в колдовском огне.

Светогор повернулся спиной к трону и опустился за столик с яствами. Его руки обхватили чашку с чаем. Князь поднес ее к губам, подул, но, вместо того чтобы выпить, снова поставил на стол. Под его серыми глазами залегли черные тени.

— Не вынуждай приставлять к тебе няньку, чтобы она кормила тебя с ложечки.

Марий опустился напротив князя. Налил себе душистого, исходящего паром напитка, проследив, чтобы настой получился темным, почти черным. Пригубил терпкую горечь, внимательно глядя на Светогора поверх фарфорового края.

— Прекрати, — молодой князь поморщился. — Я не совсем еще разум потерял. В Навь не собираюсь. Хотя... ты мог бы меня проводить.

Во взгляде Светогора блеснула безумная надежда, но сразу погасла, когда Марий отрицательно качнул головой и твердо припечатал:

— Нет. Мертвых не возвращают даже боги. А твоя подруга не заплутала меж миров, как бы тебе ни хотелось в это верить. Ясмена скажет тебе то же самое.

— Уже сказала, — неохотно признался Светогор, и Марий устало откинулся на спинку скамьи.

— Сама пришла?

— Да. Велела не искать ничью душу — в Серой Чаше ни одна не заплутала, а значит, все отправились в Подземный мир. Знаешь, — Светогор

задумчиво покрутил кольцо на указательном пальце, — мне казалось, она хочет сказать что-то еще, но более ни слова не прозвучало, и Хранительница исчезла.

Дейвас в задумчивости потер уголок рта костяшками пальцев и отпил еще чая. Горечь прочищала мысли и заставляла их бежать быстрее. Показалось даже, что неумолчный вороний грай за окном стал громче, приблизившись. Вдруг рассеянный взгляд Светогора обрел прежнюю остроту, и он внимательно посмотрел на друга:

— Марий, а когда ел ты сам?

— М-м-м, — дейвас оглядел стол, но там были только сладости.

Марий сдался и подхватил с блюда пирог, отчаянно надеясь, что он будет мясной. Только надкусив, дейвас осознал, что в его животе не было ни крошки с прошлого утра.

Пирог оказался яблочным.

— Если мы оба заморим себя голодом, кто останется во главе Беловодья? — грустно улыбнулся Светогор. Марий медленно пережевывал мягкое тесто. Князь перевел взгляд в окно. — Уже седмица, и по-прежнему ни следа, — прошептал он.

Кусок встал у дейваса поперек горла. Он бесшумно положил пирог и медленно вытер пальцы о расшитое полотенце. Желваки играли на лице Болотника, но голос его был тверд, когда он снова заговорил:

— Мы их найдем. Найдем тех, кто убил твою семью. Куда бы они ни спрятались, мы их отыщем. Я выделю тебе надежных людей для защиты. И надеюсь, что ты не будешь от них сбегать. Не в нынешнее время.

Светогор нащупал маленькое зеркальце в белой раме и сжал его так сильно, что острые края кованых листьев до боли вонзились в пальцы.

— Нынче не только время иное, друг мой. Но и я.

Глава 1 Город на перекрестке

— Четыре серебрушки. Стрелец поправил тяжелую пищаль на плече и сдвинул шапку на затылок. В ожидании ответа он скучающе скользил взглядом поверх длинной пестрой змеи, шипящей, рычащей, блеющей и ругающейся на всех языках Беловодья. Змея эта состояла из торгового люда и всяческого зверья, которое пригнали на продажу. Через несколько дней начиналась летняя ярмарка, и, по традиции, первым городом, где она разворачивалась, стала Каменка. Но не только купцов манил дух наживы — всегда попадались и другие. Такие, как эта четверка: три парня и девка невысокого росточку. Стрелец бросил взгляд на девушку и украдкой вздохнул. Мала-то мала, а глаза рысьи, злые...

— Клянусь Алте-Анкх, впервые вижу такую чудовищную жадность! Да в своем ли ты уме, морокунов сын? За четыре серебрушки я твой забор перелечу быстрее! — возмутился смазливый шехх, тряхнув густой гривой черных волос.

Стражник переглянулся со своим напарником и лениво подкрутил и без того залихватски торчащий ус.

— Лети, — спокойно предложил он шехху. — Мои ребята и не такую дичь бивали. А уж мимо тебя ни один не промажет.

Шехх зыркнул на выстроенный вдоль забора помост, где и впрямь прохаживались стражники, пробормотал что-то себе под нос и скользнул рукой за пазуху. Стрелец погладил затвор пищали, но шехх лишь достал худой мешочек, отсчитал четыре серебряные монеты с волнистым краем и рунами — светлых богов с одной стороны, темных с другой — и ссыпал их в широкую ладонь стража.

— Лучом золотым дорога, — махнул стрелец, пряча мзду за пазуху.

Шехх фыркнул и задрал нос, проходя мимо. Девчонка-рысь проскользнула за приятелем молча. Высокий мужчина за ее спиной приветливо кивнул стражнику и задержался подле, чтобы спросить, где в Каменке наливают лучшее пшеничное пиво.

— Так в «Золотой ладье», — охотно отозвался десятник. — Там пан Слад по-свойски варит. Ни одного худого слова о евонном пиве не слышал.

— Добро, — кивнул мужчина и двинулся следом за товарищами.

Последний из их компании натянул капюшон так низко, что на виду остались только тонкие плотно сжатые губы и небольшая ямочка на подбородке. Двигался путник мягко, бесшумно ступая по настеленным доскам, по сторонам не смотрел и явно знал, куда шел.

Четверка выглядела не более заметной, чем другие многочисленные путники, проходившие через Западные ворота Каменки. Но что-то в их облике говорило стрельцу, что в ближайшие дни стоит держать ухо востро.

Каменка была местом зажиточным и крепким. Выросшая возле главного сухопутного торгового тракта Беловодья, она обзавелась несколькими добрыми корчмами, соревнующимися качеством сбитня и затейливостью развлечений, постоянно действующей маленькой ярмаркой и даже двумя крохотными храмами — деревянными и одноглавыми, но сработанными на совесть. Обитель светлых богов сверкала серебристым лемехом купола в восточной части городка. На куполе ярко светился знак: солнце Светозарной Сауле, а перед ним — молния Небесного Кузнеца Перкунаса. В городах покрупнее, не говоря

уж о столице, храмов было бы два, но здесь супруги делили один дом на двоих.

Храм Среброликой Гильтине и Хозяина Ночи Вельнаса тоже стоял в черте города, и тем Каменка отличалась от остальных городов. Ведь если храмы светлым богам всегда строили на возвышении, чтобы они были ближе к небу и солнцу, то святилища темных ставили возле входа в мир Подземный: в низинах, у подножия холмов или если подле города рос лес, то в чащобе.

Злые языки звали Каменку навшим местом, ведь она стояла на перекрестье трех путей, а перекрестки, как известно, одно из излюбленных обиталищ нечистой силы. Но жители Каменки, те, кто посмекалистей да посмелее, только хитро шурили глаза и расстилали соломку помягче. На много верст окрест иного ночлега было не встретить. А купцам, странствующим в поисках лучшего места для сбыта товара, тоже хотелось поспать на чистых простынях и поесть горячего после долгих дней тряски на лошадях да в телегах.

В Каменке разговаривали в полный голос, смеялись от души, обожали всяческие празднества и рады были любому гостю. А корчмари веселого городка спорили, чье пиво лучше. И вот уже третий год подряд эту жаркую битву выигрывала «Золотая ладья», к которой пришельцам охотно указал путь первый же встречный.

Корчма встретила их запахами солода, меда и свежего хлеба. Тихо звякнули ветряные колокольчики, подвешенные возле двери, и их пение звучало, пока бродяжники потрясенно оглядывались вокруг.

В «Золотую ладью» не только поесть и выпить приходили: чем потешить взгляд, в ней тоже было. Корчмарь «Ладьи», Слад Пивовар, обожал всяческие диковинки, и порой вместо платы посетители оставляли ему подарки: поющие кувшины жаркой страны, раскинувшейся за Великой пустыней; расписные тарелки и искусно сплетенные гобелены с островов Ущербной Луны; колдовской фонарь из цветного стекла, крутящийся вокруг своей оси и раскрашивающий потолок звездами не хуже, чем на ночном небе; музыкальные инструменты всех мастей; специи и сладости в маленьких шкатулках; и, конечно, оружие.

Кто другой на месте Слада прятал бы эти сокровища за семью замками, но корчмарь любил, когда люди смотрят на красоту, и потому использовал все дары для украшения своего бесконечно обожаемого детища — «Ладьи». Она была единственной корчмой на все

Беловодье, где посетители могли сидеть на лавках, как привыкли, а могли и на цветных подушках расположиться. На стенах висели картины всех мастей: выцарапанные на бересте, выжженные на дереве, нарисованные на коже и тканях. Было даже несколько картин на бумаге. Впрочем, на самой дешевой.

Стена возле стойки корчмаря была сверху донизу увешана полками, на которых вперемежку громоздились банки и баночки, коробки, туеса, свертки — все это безумно благоухало, и у тех, кто стоял рядом, с непривычки начинала кружиться голова. Под потолком висели многочисленные фонари, стеклянные шары, позвякивали ловцы ветра и шуршали ловцы снов.

Казалось бы, такое обилие красок, запахов и вещей должно было сбивать с ног и тревожить, но вместо этого любой гость «Ладьи», переступив порог, чувствовал себя так, будто вернулся домой.

Слад и себя любил украсить. Шелковый халат шеххов или нарядный кафтан воленцев, борода, заплетенная в косички по обычаю караалов, расписные сапоги и тюрбан — догадаться, как именно вырядится каменский корчмарь сегодня, было невозможно.

День едва начался, и посетителей было немного. Только двое усталых воленцев весен сорока с виду, расстегнув ворота свиток и вытянув ноги в запыхавшихся лаптях, потягивали пиво из запотевших глиняных кружек за столом возле окна. Девушка с рысьими глазами подняла руку и тронула тут же запевшие громче серебристые палочки. Им откликнулись другие, разной длины и формы, в беспорядке развешенные на балках там, где в обычных едальнях болтались бы плетенки лука и чеснока. Здесь ими и не пахло, зато нос щекотали странные теплые ароматы, навевающие мысли о пирогах и почему-то об осени.

— Место славное, хоть и пестрое, как ковер. Ну что, долго на пороге топтаться будем? — недовольно поторопил приятелей шехх.

— И вправду, чего это мы? — прогудел воленец.

Он на голову возвышался над товарищами, светлея гривой волнистых волос. Про такой цвет в Беловодье говорили «Сауле поцеловала» — теплый, словно молоко с медом. А вот густая борода была куда темнее, и это подчеркивало черты грубоватого лица. Широкие, тоже темные брови вразлет притеняли некрупные карие глаза, глядящие

спокойно и внимательно. Горбинка на носу и тяжеловатое дыхание выдавали давний плохо сросшийся перелом. Мощная шея переходила в широкие плечи и тяжелые жилистые руки. Волнец двигался осторожно, зная о своей телесной силе, а за его спиной легко могли укрыться двое из троих его спутников.

Мужчина приметил столик в затененном углу, где как раз могли разместиться четверо, и поманил всех за собой. Темноволосая девушка и последний из четверки, все еще не снявший капюшон, пошли следом за ним. Шехха же куда больше, чем необычная корчма, увлекла румяная разносчица, несущая заказ другим гостям. Уроженец Великой пустыни мигом оказался возле нее и придержал оступившуюся девушку. Подождал, пока она ловко расставит ароматно пахнущие миски и тарелки на столе, и предложил донести поднос до кухни. От его нежных улыбок и мурлыкающего голоса девушка покраснела до корней волос.

Народ шеххов жил по другую сторону Золотого моря. В их стране не было зимы, зато на сотни верст раскинулись жаркие безводные пустыни. Шеххи гоняли по ним песчаные корабли и жили за счет торговцев, желающих сократить путь вместо того, чтобы обгибать пустыни по морям, кишашим дикими безымянными тварями и морскими разбойниками.

Проводив девушку, синеглазый сын Великой пустыни вернулся за столик к остальным и сел на единственное место, освещенное косыми лучами солнца, падающими из окна. В то время как другие искали тень и прохладу, шехх всегда устраивался как можно ближе к огню.

— Надеюсь, пиво будет свежим. Не хочется тащиться куда-то еще, — протянул он, развалившись на лавке, как кот.

— Пиво и прочие радости будут после того, как Итрида сторгуется с купцом. Так что закатай губу, Даромир. У нас денег — одну ночь переночевать не в сарае да по миске каши на брата, — заметила черноволосая.

— Ох, Бояна, и как ты не устаешь от самой себя? Даже пометать не даешь лишний раз, — покачал головой Даромир, поймал взгляд высунувшейся из кухни разносчицы и подмигнул ей.

— А тебе дай волю, ты все монеты спустишь на баб да притирания, — Бояна поправила перевязь с кинжалами и кивнула разносчице, привлекая ее внимание.

Шехх скривился, но смолчал. Откуда знать бедной деревенской девочке силу красоты? Сама-то ею не блещет.

— Хватит собачиться, — последний из четверки бродяжников откинул капюшон и прислонился к теплой стене, не сдержав облегченного вздоха.

Длинные пальцы с аккуратно обрезанными ногтями растерли глубокую морщину между бровей. Стражник Западных ворот удивился бы, увидев сейчас того, кого он принял за парня. Конечно, скрученные в тугий узел рыжие волосы могли бы и мужчине принадлежать, но это была девушка. Сейчас она хмурилась, щурила черные глаза и покусывала тонкие губы.

— Бояна права. Денег у нас немного, но и сезон охоты едва начался. Сейчас затянем пояса, зато к зиме подкопим серебрушек. Может, даже и на жарку-другую свезет.

Шехх недовольно скривился, но тут же снова просиял улыбкой, когда разносчица подала каждому из бродяжников миску рассыпчатой золотой каши и ломоть еще исходящего паром хлеба. В их животах, уже седмицу выдавших только дичь да лесные ягоды, громко и слаженно заурчало.

— Все же нет ничего лучше домашней еды. Даже если тебе ее приготовили за деньги, — подняв ложку, высказался Даромир.

Ответом ему было согласное хмыкание. Какое-то время за столом царил тишина, которую нарушал только спорый стук ложек. Шехх расправился со своей порцией быстрее всех. Обвел скупающим взглядом зал, не нашел ничего интересного, но и молчать долго было не в его правилах.

— Итка, а ты на что потратишь свою часть Вышатиных денег? Давай сложим наши доли и купим какой-нибудь миленький домишко в глухой волости, — шехх облокотился на стол и подмигнул рыжеволосой девушке.

Бояна зашипела на Даромира и замахнулась ложкой, он скорчил ей рожу и снова повернулся к Итриде. Та пожала плечами и медленно поскребла дно миски, втайне сожалея, что на добавку денег и правда нет.

— Давно хотела серебряные шипы на куртку приладить. А еще волосы из серебра, вот тут. Чтобы навьи твари зубы пообломали, — девушка мазнула пальцами по шее и рукавам потрепанной, но все еще крепкой куртки. Слова шехха о покупке дома она оставила без внимания.

Бояна и светловолосый воленец переглянулись, и мужчина осторожно спросил:

— Слушай, Итка... Тебе никогда не хотелось... ну... осесть где-нибудь? Хату купить? Чем морокун не шутит — замуж выйти? — как обычно, стоило Храбру сказать больше трех слов, и говорок его родной волости дал о себе знать. Загорелую кожу воленца тронул румянец, едва заметный под густой бородой, но он по-прежнему выжидательно смотрел на Итриду.

Итрида недоуменно глянула на товарища:

— Зачем, Храбр? Мне это не нужно.

Она положила ложку чашечкой вверх, отдавая должное рукам того, кто умудрился сделать нехитрое кушанье достойным княжеского стола, и глянула за окно. Солнце медленно карабкалось к зениту; на улице слышались голоса, то и дело раздавался цокот копыт. Стояла жара — разгар червения выдался засушливым, — но под крышей «Золотой ладьи» царила приятная прохлада, выходить из которой не хотелось. Вот только встреча с купцом Вышатой была назначена на полдень, так что об отдыхе помышлять пока не приходилось.

— Итрида... — начала было Бояна, но та перебила ее:

— Нам пора получить-таки свою награду. Со мной пойдут Храбр и Дар. Бояна, договорись насчет комнат. Если все сладится, сможем несколько дней передохнуть, прежде чем уходить на новый лов.

— Опять?! — Даромир застонал, обхватив голову руками. — Мы же только вернулись! Вот-вот ярмарка начнется, а мы снова в лес? Да я сам скоро мхом зарасту! Итрида, послушай, давай возьмемся за заказ того кожевенника! Я знаю такие яды, что не оставляют следа, без вкуса и запаха, он и не почувствует ничего! Столько денег могли бы получить! До следующего лета...

— Хватит, — осадила Итрида Даромира.

Шехх посмурнел и отвернулся в угол, но Итрида продолжала говорить, и каждое ее слово звучало как удар:

— Мы не убиваем людей за деньги, Дар. Забыл, о чем мы уговорились, когда ты захотел ходить с нами? Мне все равно, что было в твоём прошлом. Люди не скот, чтобы резать их просто потому, что кто-то больше заплатит.

Шехх искоса глянул на бродяжницу, и взгляд его потяжелел.

— Странно, что об этом говоришь ты, готовая убивать по слову любой обиженной девчонки. А как за деньги, так вон какая чисто-плюйка сразу...

Кинжал, отливающий синевой, вонзился в стол между пальцами Даромира, так близко, что рассек верхний слой кожи — не до крови, а лишь как напоминание.

— Собирайся, — только и бросила Итрида побледневшему шехху. — Вышата ждать не будет.

Вышата слово сдержал и заплатил за шкуры по чести. Прохладные монеты приятно оттягивали пояс, навевая мысли о роскошном ужине и сне на чистых простынях. Только одно тревожило Итриду — то, что пришли они на подворье купца втроем, а уходили вдвоем. Все время, пока бродяжники и купец осматривали добычу, дочь Вышаты не сводила глаз со статного шехха.

Что и говорить, Даромир был хорош собой. Пожалуй, слишком хорош: длинные волнистые волосы падали на широкие плечи, глаза сверкали синевой предрассветного неба, на жилистом теле ладно сидела любая одежда, а вечно улыбающиеся губы, казалось, были дадены ему исключительно чтобы произносить всякую похабщину. Он был ярок — и тем отвлекал внимание от товарищей. И порой это было им очень на руку.

Итрида успела разузнать, кто таков этот Вышата, прежде чем согласилась поработать с ним, и потому кое-что знала и о его дочери. Черноволосую Кажену отец растил не как малахольную девицу. Боги не дали ему сыновей. Обычно в таких случаях отцы спешили повыгодней запродать дочь замуж, но Вышата измыслил другое: он принялся обучать Кажену, объясняя ей тонкости купеческого ремесла. То и дело головка на хрупкой шейке склонялась к отцу, позвякивая серебряными височными кольцами, а он серьезно объяснял ей что-то. Кажена кивала, порой записывая несколько слов на сероватых листочках, и ни скуки, ни отвращения на ее лице Итрида не замечала. А вот нежный румянец, расцветший на белой коже с того мига, как в горницу с поклоном вошел Даромир, разглядела еще как.

— Только глупостей не натвори, — хмуро предупредила Итрида шехха, когда он шепнул ей, что догонит их с Храбром позже. — Это тебе не селянка какая, чтобы запросто по лавкам кувыркаться.

— Ты правда думаешь, что я ее девства лишать буду? — Даромир рассмеялся, и смех его прозвучал обидно. — Полно, Итрида. Эта краля давно уже знает, что ей нравится в постели. Впрочем, думаю, мне все-таки есть чем ее удивить. Идите, вас там Боянка заждалась. Встретимся на рассвете... или ближе к обеду.

И шехх растворился в вечерних тенях.

Итрида достала мешочек с заработком, отсчитала несколько монет, а остальное вручила Храбру.

— Передай Бояне.

— А как же ты? — похожий на медведя парень подкинул мешочек на ладони, вопросительно глянув на подругу.

Итрида втянула носом наконец-то похолодевший воздух, повела плечами и улыбнулась приятелю:

— Прогуляюсь немного.

Глава 2 Воришка с огоньком

Марий спешил и неторопливо побрел по высланной досками улице, ведя Стрыгу в поводу. Лошадь недовольно фыркала, но послушно шла следом, лишь иногда прихватывая мягкими губами воротник хозяина и тепло дыша ему в затылок. Дейвас шутиливо щелкал чернуху по горбатуму носу, когда она особенно увлеченно принималась жевать его куртку, та возмущенно ржала, и они продолжали путь.

Встречные девушки с интересом посматривали на Мария и перешептывались, прикрываясь ладонями и алея здоровым румянцем. В его нынешнем облике сложно было распознать огненного колдуна. Болотник сменил привычный черный кафтан на зеленую рубаху, куртку и штаны, пошитые из крашенной лесным орехом мягкой коричневой кожи. Рунический меч был надежно упрятан в невзрачные ножны. Марий сейчас походил на наемника или княжеского воя в увольнительной — вид достаточно опасный, чтобы чересчур любопытные селяне обходили стороной, но куда менее заметный, чем облик служителя Дейва. И очень привлекательный для молодых девиц.

Марий улыбался им в ответ, но проходил мимо не оборачиваясь. Не затем он приехал в Каменку.

А вот зачем — он и сам толком не понимал.

Знал только, что если бы задержался в черных каменных стенах Школы Дейва еще хоть на седмицу, то сошел бы с ума. Видно, копящийся в нем взрыв был замечен и со стороны. В один день сразу двое — светлый князь и советник Мария, Совий Буревестник, — ему о том сказали и мягко попросили убраться куда подальше. И найти там нормальное лицо, а не «эту зверскую перекошенную рожу, с которой ты разгуливаешь всю весну», как выразился Буревестник. Сам-то он лучился счастьем после очередной поездки в Серую Чашу, и Марий поймал себя на мысли, что с радостью оставит бородатого рыжего советника за главного. Чтобы не видеть, как откровенно тот сверкает улыбкой.

Выехав за ворота, Марий пустил Стрыгу ходкой рысью, доверив лошади выбирать путь. И как-то само получилось, что они добрались до Каменки — городка в седмице пути от Червена.

Марий любил Каменку. Она напоминала ему цыганку в пестрых юбках, звенящую позолоченными браслетами и зазывно сверкающую черными глазами. Оглянуться не успеешь, как налетит, закрутит-заворожит, вцепится в руку и втянет в круг, очерченный светом костра. И проснешься наутро, распоясанный, взъерошенный, босоногий, возле остывающих углей в чистом поле. А дышаться почему-то будет легко и пьяно, так, словно все печали и горести вместе с вещами исчезли.

Этот городок совсем не похож был на крепко сбитое и твердо стоящее на земле Приречье. То было надежным и устойчивым, как воин, вернувшийся домой из-за старости, но не потерявший ни сноровки, ни телесной силы. Да, было дело...

Марий усмехнулся воспоминаниям и поднял голову, разглядывая двухэтажное здание с крутящимися на теплом ветру флюгерами в виде кораблей. «Золотая ладья» — так звалась корчма, куда держал путь огненосец. Сейчас, по темноте, было не так заметно, а при дневном свете бревна, из которых была сложена корчма, и впрямь чуть сияли, точно медом облитые. Хозяин секрета не раскрывал, но как-то обмолвился, что причиной была краска с островов Ущербной Луны — редкая и безмерно дорогая. Помимо красоты, она еще и защищала дерево от вредителей и ненастья.

Болотник привязал Стрыгу к коновязи и потянул ее за уздцы, удерживая взглядом бархатистые карие очи в обрамлении густых ресниц:

— Смотри не балуй. Конюших не кусай, захочешь зубы поточить — точи о бревно. Будешь хорошо себя вести — куплю тебе окорок.

Худенький мальчишка, ходящий за лошадьми, отшатнулся, услышав наказ дейваса, но Марий убедил его, что Стрыга, несмотря на кличку и любовь к мясному, людей не ест. Так... надкусывает иногда.

Впрочем, последние слова он добавил мысленно.

Марий кивнул подпирающему стену вышибале, удостоился неохотного приветственного кивка и оценивающего взгляда и наконец окунулся в долгожданную прохладу, пропахшую солодом, хлебом и теплым духом специй. Переливчато звякнул ловец ветра, потревоженный сквозняком.

— Перкунасова борода! А я уж было решил, что глаза меня обманывают. Так и сказал себе: «Слад, ты постарел или выпил слишком много пива, раз видишь то, чего быть никак не может». Никогда так не радовался своей ошибке. Сам пан Болотник решил заглянуть в наше захоlustье! Какими судьбами, о вельможный?

Слад Пивовар, хозяин «Золотой ладьи», спешащий навстречу дейвасу, был таким же дородным, как его вышибала. Вдобавок солидности ему добавляла густая борода соломенного цвета, сейчас заботливо заплетенная в две косицы на манер северного народа караалов. Поговаривали, что Пивовар, получивший второе именование уже в зрелом возрасте, пришел из-за Белых гор, босой, грязный и заросший волосами до самых глаз. Прибился к храму Сауле, где его отмыли, подлечили и дали имя Слад за то, что он мог поладить с кем угодно. Так и жил прибудуш при храме, помогая жрицам по хозяйству. А так как парень он был видный, то сошелся с одной из них, и стали молодые вместе жить.

И вот однажды на ежегодной ярмарке он пришел в торговые ряды и выставил на скамеечке жбан пива, предлагая всем по ковшику всего за одну железную чешуйку. Поначалу Слада обходили стороной, не доверяя хоть и мирному, а все же чужаку. Но жара и безветрие сделали свое дело: один за другим потянулись люди за питьем. Вот только едва попробовав, теряли дар речи — до того оказалось пиво хорошо!

Слух о сказочном пивоваре быстро разошелся по всему Беловодью, и со всех его краев стали стекаться любопытствующие, желающие

попробовать дивный напиток, а то и секрет разузнать. Так и разбогател Слад, получивший второе именование Пивовар. Отстроил корчму и только было собрался дать ей имя, как случилось горе: его возлюбленная заболела неизвестной хворью и всего за несколько дней сгорела от лихорадки, которая позже прокатилась по Каменке, собирая дань из людских жизней.

Откуда пришла болезнь, никто не знал. Но вся Каменка в едином порыве встала на защиту своих жителей.

Слад день и ночь вместе с другими, кто мог стоять на ногах, обходил дома с заболевшими, кормил и обтирал их, помогал по хозяйству, поддерживал как умел. Он отдал свою новенькую корчму под приют для тех, за кем присмотр требовался днем и ночью. Слад говорил, что делает это в память о погибшей жене. Позже, когда все закончилось, из корчмы сделали Болезный дом — место, где людей лечили знахари, а позже и возвратившиеся в Беловодье лаумы. В Болезном доме любой мог попросить о помощи. А Сладу всем городом отстроили новую корчму, которую он назвал «Золотой ладьей» — потому что его возлюбленная была родом с побережья Золотого моря.

Именно там, в охваченной болезнью Каменке, и познакомились Марий Болотник и Слад Пивовар. Марий привел дейвасов, чтобы защитить ослабевший город от навий, сползающих на запах смерти.

— Заткнись, Слад, — беззлобно отозвался Марий, опускаясь за облюбованный стол. Пивовар не спрашивая грохнул перед дейвасом две кружки с горячим сбитнем на травах и тарелку чесночных сухарей. Махнул рукой выглянувшей из подсобки краснощекой девахе, придвинул к себе одну кружку и с шумом отхлебнул. Закусил сухариком, разглядывая Мария и подмечая темные круги вокруг глаз, свалывшиеся волосы и небрежно застегнутую куртку. Не переставая жевать, толкнул к дейвасу вторую кружку. Болотник покосился на питье, вздохнул, но все же пригубил терпко пахнущую жидкость темно-янтарного цвета. И с удивлением понял, что гнет событий последних дней и усталость от долгой дороги отступили, давая хоть ненадолго расправить плечи.

— Так-то лучше, — довольно кивнул Слад и откинулся на спинку лавки, положив на нее одну руку. — Ну, рассказывай, зачем пожаловал.

— Ты не рад меня видеть? — глянул поверх кружки Марий.

— Рад, клянусь бородой Перкунаса! Только ты в последний раз за являлся чуть не с полгода назад, пробыл два дня и исчез, ровно туман

поутру, — ни ответа ни привета. Думаешь, поверю, что сейчас без нужды прикатил? У тебя там дела государственной важности, колдуны без присмотра бегают, князь опять же...

На лице Мария резче выступили скулы. Слад понятиливо хмыкнул и уперся локтями в стол, наклоняясь к дейвасу.

— Как он?

Болотник коротко вздохнул.

— Выпроводил меня перевести дух, а сам того и гляди в тень превратится. Мало нам было проблем, еще и эти морокуновы пожары добавились...

— Н-да уж, — Слад покачал головой. — Не хотел бы я быть на его месте. А вот на своем — хотел! Так ты, значит, отдыхать приехал?

— Ну, как сказать...

— Э, нет! Знаешь что, колдун? Сегодня разговоры не будем разговаривать. Завтра. Когда мне плохо, я всегда говорю себе: «Слад, утро вечера мудренее». И всегда помогает! Сегодня ты не дейвас, а обычный путник. Не спорь, — Слад поднял в воздух толстый палец и помахал им перед носом желавшего возразить Мария. Дейвас усмехнулся и смолчал. — Вот и славно. Пей, гуляй, сходи на площадь, там какой-то глумец уже четвертый день людей завораживает. Инструмент у него чудной: то ли гитара, то ли мытара... И выпись наконец, смотреть на тебя и вправду тошно.

— Гитара? — с интересом уточнил Марий.

Слад закивал так яростно, что пшеничные косицы бороды заплясали в воздухе, позвякивая привязанными к концам бубенчиками. Дейвас отхлебнул еще сбитня, прислушался к растекающемуся по телу теплу, вздохнул и кивнул. Светогор тоже говорил ему не измываться над собой. Вряд ли еще одна ночь, добавленная к уже прошедшей седмице, принесет слишком много вреда, зато силы восстановить может. Да и гитара — вещь в Беловодье слишком редкая, чтобы просто пройти мимо.

— Уговорил. Ложница моя свободна?

— Обижает, — широко ухмыльнулся корчмарь. — Завсегда для тебя держим!

— Тогда вели застелить к моему возвращению. И еще: окорок есть у тебя? С чесноком.

— Ты никак Стрыгу выгулять сподобился? Добро! Будет тебе мясо. На том и порешили.

Оставив Стрыгу наслаждаться остро пахнущим куском мяса, Марий, как и собирался, отправился в город. Лошадь, изловленная дейвасом в Серой Чаще с разрешения ее бессменной хранительницы, сначала было заартачилась, поняв, что хозяин собирается идти гулять без нее, но при виде окорока успокоилась и благосклонно запустила в мясо длинные змеиные клыки.

Проходя мимо храма светлых богов, дейвас поневоле замедлил шаг. Солнце, неторопливо ползущее к горизонту, погладило лучами серебристую луковицу, венчающую крепкое здание. И одновременно четыре окошка, выходящие на стороны света, загорелись, будто поймали в плен частицу его сияния. Момент был выгадан идеально, и Марий мысленно отдал должное храмовникам. Такой эффект создавали зеркала. В середине купола был выложен каменный очаг, и в миг, когда солнце гасло, храмовники по команде воспламеняли каменное дерево. Пойманный хитро посеребренной гладкой поверхностью зеркал, свет будто стократ усиливался, обтекая купол. Вечерняя служба заканчивалась аккурат вместе с зажжением огней. Двери, ведущие в храм, распахнулись, и наружу повалил народ. Дейвас подался в сторону, чтобы ни с кем не столкнуться, огляделся, нырнул в тень возле стены — да там и замер, неподвижный и невидимый.

Людской поток быстро иссяк. Последним вышел высокий парень в низко надвинутом на глаза капюшоне выдавшей виды куртки. Он шел мягко, ступая по-кошачьи бесшумно. Марий окинул его взглядом... И подался вперед, едва сдержавшись от удивленного вздоха.

На ногах незнакомца, порядком запыленные, темнели сапоги. Их голенища были украшены вышивкой, и хоть сейчас она была покрыта коркой грязи, но Марий был готов поклясться своим мечом, что знает мастера, тачавшего эту обувь. Аккурат с три седмицы назад тот заливал горе крепкой медовухой, жалуясь, что последний заказ, над которым он работал, бессовестно украли.

Может, Марий не признал бы работу сапожника, если бы на его собственных ногах не красовались такие же сапоги.

— Уж не ты ли тот самый загадочный воришка? — задумчиво пробормотал дейвас.

Конечно, он собирался сегодня отдыхать... Но решить интересную задачку — чем не отдых? И Марий двинулся следом за парнем.

Тот шел неторопливо, голову держал прямо и остановился лишь раз — купил кулек орехов в медовой глазури. Марий поморщился: до чего же приторная гадость! А воришка идет себе, в рот кидает один орех за другим, и, видно, в радость ему.

Незнакомец привел дейваса к площади, где сутился народ, занимая лучшие места в ожидании глумца. Марий оглянулся по сторонам и раздраженно поджал губы: людей привалило уже столько, что пройти в передние ряды никакой возможности не было. А что же похититель сапог? Болотник вдруг понял, что тот исчез, будто растворился, и он его самым глупым образом проморгал! Дейвас выругался сквозь зубы, помянув Вельнаса, и подле него остановилась опрятная старушка в белом платочке.

— Язык прикуси, морокунов сын! — неожиданно зычным голосом прикрикнула она на дейваса. — Неча Подземника к ночи поминать.

— Я приятеля из виду потерял, — не растерялся Марий. — Вот только возле топал, моргнул — и нет его.

— Впервой, что ль, в большом городе-то? — задумчиво огладила платочек старушка, разглядывая Мария и особое внимание уделяя торчащему над его плечом оголовью меча. Болотник спорить не стал, лишь кивнул, стараясь сдержать смехок. Похожая на сову жительница Каменки подбоченилась и ткнула дейваса в грудь узловатым пальцем. — А ну-ка, каков он, приятель твой?

Марий сказал.

Старушка глянула вправо-влево и вдруг крутанулась с неожиданной резвостью, так, что пыль столбом поднялась. Забормотала что-то невнятное, плюнула Марию под ноги — тот едва успел отпрыгнуть и открыл было рот, чтобы возмутиться, — протянула палец-сучок и указала в сторону от площади.

— Там он. Уж не оборотень ли?

— С чего ты взяла? — Марий прищурился и с удивлением обнаружил сапожного вора ловко сидящим вдалеке на шатком заборчике.

— Да расселся, ишь, ровно кречет когтями уцепился. Ну, бывай, охотник! И Подземника больше не поминай — его только кликни, не отцепится!

Марий собрался было поблагодарить кметку, да пока оборачивался, той и след простыл. Впрочем... следов в пыли как раз и не нашлось.

Меч за спиной дейваса остался безмятежно-прохладным — значит, навейей тварью старуха не была. Марий задумчиво взлохматил волосы. Ему не оставалось ничего другого, кроме как продолжить преследовать воришку сапог.

Дейвас смешался с толпой, встав так, чтобы видеть «приятеля». А посмотреть было на что. Тот сперва сидел спокойно, чуть насмешливо поблескивая глазами из-под капюшона, но стоило глумцу заиграть — и впрямь на настоящей гитаре, — как парень подался вперед, едва не свалившись с забора. Марий мог бы поклясться, что под капюшоном блеснули слезы. Парень настолько любит музыку? Или мелодия знакома? Может, он из тех краев, что и глумец, и музыка напомнила ему о доме? Впрочем, лучший способ узнать ответы — задать вопросы.

И Марий начал медленно продвигаться ближе к забору. Да только не успел: гитара стихла, и на смену мелодии пришел грохот рукоплекскания и одобрительных выкриков. Парень ловко спрыгнул с забора и принялся проталкиваться через толпу. Марий, который занимался тем же самым, не понимал, как незнакомцу удавалось подвинуть людей. И вдруг он застыл, присмотревшись.

Парень легонько проводил рукой по бокам и плечам тех, кто подвинуться не желал ни в коем разе. И кончик пальца у него светился, словно под кожей бился маленький огонек. Едва заметный, неощутимый — но злой и едкий, судя по тому, как люди с руганью отшатывались в стороны.

Если бы Марий не следил за парнем, то углядеть огонек не сумел бы. Но теперь, зная, куда смотреть, не мог поверить своим глазам. Огненный маг балуется мелкими пакостями? Использует дар, чтобы пробиться к глумцу? Это кто же из его Школы настолько разум потерял?

— Что ж, — прозвучал надрesnутый голос глумца, — тогда Волоха сыграет нечто особенное просто так.

Песня была красива и печальна, и Марий в иное время с удовольствием послушал бы — глумец оказался мастером своего дела, — но сейчас куда больше его занимал странный паренек, вздрогнувший всем телом при первых звуках этой песни. Он удалялся прочь от людей, а мелодия летела ему вслед, и на миг дейвасу показалось, что он видит в воздухе расплывающийся след огненного хвоста.

Марий подождал, пока незнакомец отойдет на достаточное расстояние, и двинулся за ним.

Но парня словно корова языком слизнула. Как ни искал дейвас, как ни спрашивал людей — всех будто кто-то заморозил. Неизвестный огненосец провалился сквозь землю, как заправская навь, и Марию оставалось только, помянув морокуна, вернуться в «Золотую ладью».

Глава 3

Птичьим криком, волчьим шагом

Итрида сидела на заборе.

Под покровом сгущающейся темноты и плотного капюшона ее толстая рыжая коса, кольцом скрученная на затылке, не выдавала хозяйку ни единым отблеском. Мужская рубаша и штаны скрывали изгибы тела, а высокий рост и не по-женски низкий голос дополняли облик, избавляя Итриду от лишних вопросов. Вот разве что сапоги не смотрелись с ее простым нарядом. На них многие задерживали взгляд, и в конце концов Итриде это надоело. Она свернула в сторону, не доходя нескольких шагов до площади, облюбовала забор, за которым виднелся приземистый домишко с темными провалами сонных окон, и ловко взобралась на шаткие доски. С ее места волнующаяся в ожидании глумца толпа была хорошо видна, а вот на нее саму, скрытую тенями и низко склонившимися ветками старой рябины, внимание обращать наконец перестали.

Итрида покачала одной ногой, задумавшись, не сменить ли приметные сапоги на что-то другое. Имени сапожника из Рябинника, так беспечно выставившего обувку на окно, Итрида узнать не удосужилась, но пару серебрушек в уплату оставила. Уж больно ей глянулся прихотливый золотистый узор, обнимающий голенище и стекающий к мыскам, превращаясь по пути в птичьи перья, острые, точно клинки на ее поясе. Золотая вышивка на черненой коже — это Итриде всегда нравилось. Да только где простой деревенской девке получить подобную красоту? Ее удел — серые платья, грубо сработанный жилет, лапти вместо остроносых сапожков да кичка, под которой ни единого рыжего волоска не видно будет. И вся девица станет серая, сгорбленная, будто доля прижмет ее к земле и все соки высосет, отдав их свежевспаханым грядкам...